

Петрушевская
как Людмила

3.11.01

Праздник

Александр

О

ренность вы-
далами и по-
этот выбор
залось бы, и
вручения Т.
катанному с
му Виктору
шло как по
лись в поле
журналисте
ванный от
откуда они
увидеть цер
экранов ре
звук), ни ду
поговорить
рых конвоир
сцены. Теле
сильно рас
следует закр
стантин Эрн
требовать
кресло ("Кр
см. "Дог-шо
дать себя ре
ем сцены за
це концов, е
ряне могли с
мена Молье
– почему бы
вооружение
лом стала во
ции "Телеви
да". На "соби
тэвэшные б
"послушани
тием" назвал
курс регион
грамм. Хотя
жали обсуж
налистов Н
ло вчера.

– Им дал
рить свобод
пользовали
стране стало
по этому по
бимов. – Мн
их товарище
ков. Мы не
круг НТВ со
главным соб
Останкинско
венно два ка
и РТР пообе
единственно
– Вас не с
дозрительно
ОРТ в номин
– Прошли
волновали
этому отнош
Для меня гла
лей смотрит
трат 35–30 п
значит, мы

Людмила Петрушевская всегда необычна.

Фото Михаила Циммеринга (НГ-фото)

Шут – приятель роз

Мания Людмилы Петрушевской

Арина Абросимова

Художница Людмила Петрушевская... Да-да, не ошибка это, а к литературному творчеству дополнение, приписка, что ли. Точнее иллюстрация. Талантливый человек за что ни возьмется, во всем талантлив. До основанья. Это общеизвестно. И Лермонтов Михаил Юрьич тоже рисовал. Гениально. И Маяковский тоже. А Пушкин не очень, но графически, похоже, задумчиво. А Гюль с Брюлловым дружил и позировал иногда. А Врубель рассказов не писал, как Петрушевская, хотя она его любит. И не розы он рисовал, как Петрушевская, а сирень. Но все равно красиво. И ароматно даже. Только вот надлом и трагедия у обоих. Хрупко все, преходяще как-то. А хочется вечности. Покоя предельного. Чтобы нестрашно и не-

независимая 105-2004-3 маяб-с.10.

больно. Вот искусство этим и занимается – увековечивает без последующих страданий. Они же, страдания то есть, только при жизни бывают, чтобы личность создать, научить ее тонко все чувствовать, а потом направить к алтарю искусства. Там она и делится наболевшим и обдуманым со всеми желающими.

А желающих бывает много. Как и в этот раз. Наталья Рязанцева, Виктор Славкин, Евгений Попов, Евгений Гришковец, Юлий Гусман в восхищенном любопытстве взирали на живописные творения писательницы, которая вполне снисходительно принимала восторги публики.

Сдержанно и с какой-то неохотой рисунки показываются «на люди», словно уже при работе над ними автор боялся быть сентиментальной и любящей дочерью, мате-

рю и другом, старался скрыть глубокие чувства и эмоциональную зависимость – то, от чего не могут абстрагироваться непрофессионалы. Этот страх превращает в холодную отстраненность внутренний мир любви и заботы, остерігающий внешнего неаккуратно-чужого взгляда.

На мой вопрос: «Почему розы?» – Людмила Стефановна отмахнулась: «А шут их знает!» Мания, одним словом. А между роз – наспех срисованный шариковой ручкой автопортрет Рембрандта из лондонского музея, выхвативший самую суть и характерную манеру великого фламандца – скупой луч света, падающий на скрытую во тьме фигуру. И эта выставка кажется таким же лучом. Петрушевская предстает многомерной и загадочной. Что еще она прячет от публики?..

114

114